

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

О предателях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371425

Аннотация

«Когда хотят объяснить явление слишком оригинальное – сравнивают его с чем-нибудь более обычным и понятным, ищут «анalogии». Но предатель – это настолько своеобразное отвратительное создание природы классового государства, что сравнить предателя не с кем и не с чем. Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы...»

Максим Горький

О предателях

Когда хотят объяснить явление слишком оригинальное – сравнивают его с чем-нибудь более обычным и понятным, ищут «анalogии». Но предатель – это настолько своеобразное отвратительное создание природы классового государства, что сравнить предателя не с кем и не с чем. Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы.

Из числа предателей особенно прославлен Евно Азеф, член Центрального комитета и руководитель «Боевой организации» партии социалистов-революционеров, личный друг Виктора Чернова, Бориса Савинкова и других столпов партии, которая отвела в своей истории такую грандиозную роль личности Иуды Азефа. Как большинство героев, он оказался «дутым», а в сущности – был чудовищно «простой человек». Он сам отлично понимал изумительную простоту своей натуры и сам в записке, поданной им президенту полиции города Берлина, протестовал против приписанного ему друзьями по партии «ореола великого вождя». Можно думать, что он протестовал не только по мотивам самозащиты, а искренно. Из брошюры Б. Николаевского «Конец Азефа», изданной ГИЗом в 1926 году, можно убедиться, что моё мнение об искренности Азефа имеет солидное основание.

Ещё в 1893 году Азеф сознательно и обдуманно избрал предательство как профессию, наметил себе работу провокатора как «путь жизни», «средство к жизни» и неуклонно шёл этим путём до поры, пока не остутился. Остутился, пошатнулся, но – не упал, а, отскочив в сторону от полиции и от революции, уютно и спокойно лёг на пышное мещанское ложе, рядом с «роскошной женщиной», одной из великокняжеских проституток; она в 1904 году утешала «боевую жизнь» Кирилла Романова «на полях Маньчжурии» в его поезде. Кирилл Романов – это тот самый, который ныне, находясь в эмиграции, самовольно назвался, кажется, императором или возложил на себя другой какой-то громкий чин. С кафешантанной «роскошной женщиной» Азеф познакомился ещё в бытность членом ЦК партии.

Он был жирный, толстогубый, сентиментальный. В письмах к своей возлюбленной он именовал себя «твой единственный зайчик», «твой папочка». Он чувствительно писал ей: «Как хотел бы я иметь тебя здесь, чтоб купаться вместе». «Ты одна из всех людей близка мне, так близка, что я не ощущаю между нами никакой разницы; где ты, где я – я не знаю, и это не фраза».

Думаю, что тут можно верить Иуде, – здесь он говорит действительно «не фразу», хотя, казалось бы, и трудно не ощущать «никакой разницы» между собой и проституткой после долголетней дружбы с Виктором Черновым и другими членами ЦК партии. Но – и среди мещан встречаются нату-

ры не менее глубокие, чем любая помойная яма.

Благополучно отскочив от друзей-революционеров и друзей-полицейских, Азеф начал жить той «красивой жизнью», которая так характерна для идеально воспитанных мещан от простого лавочника до министров и князей. Он играл в карты и на бирже, покупал своей возлюбленной бриллианты и серебряные сервизы, ездил с нею на морские купанья, путешествовал и вообще – жил счастливо. Деньги у него были, – партийные средства он расходовал бесконтрольно, полиция платила ему за повешенных – щедро.

В 1915 году полиция Берлина посадила Азефа в тюрьму; там он читал сочинения анархиста Макса Штирнера «Едиственный и его собственность», книгу, которую можно назвать евангелием мещанского индивидуализма; читал Ломброзо «Гений и безумие», роман Арцыбашева «Санин», но больше, чем книгами, «занимался биржевыми выкладками». «Роскошная женщина» отмечает, что он «вообще не любил читать». Сидя в тюрьме, он вспомнил, что для удобства мещан создан, между прочим, бог, и в письмах к «роскошной» писал: «Бог должен дать мне силы. С божьей помощью я всё перенесу».

Впрочем, возможно, что он всю жизнь веровал в бога; пожалуй, этого требовала некоторая сложность его позиции и работы: необходимо было убедить себя в том, что над революционерами и полицейскими, честными и подлецами, существует некто третий, кому одинаково безразличны и те и

другие. Бог создан вовсе не для того, чтоб возвеличить людей, а чтоб уравнивать всех людей в сознании их ничтожества пред ним. Именно для этой цели утверждалось «огнём и мечом» бытие бога «великими отцами церкви», инквизиторами, диктаторами, именно ради этой цели утверждают бытие божие современные нам боголюбцы из человеконенавистников.

Но можно думать, что Азеф, профессиональный Иуда, не чувствовал никакого различия между революционерами и полицейскими: одни убивали губернаторов и министров, другие убивали сотни честной, героически настроенной молодёжи. В обоих лагерях Иуда имел друзей, они верили в его необыкновенные способности организатора убийств, и вот он, для того чтоб заработать на «красивую жизнь», предавал и продавал справа налево, слева направо. Двусторонняя работа эта не требовала никаких прикрытий идеологией, теорией, никаких самооправданий. Азеф и не оправдывался, он просто говорил налево:

«Чего вы хотите? Я же помогал вам убирать ваших врагов». И то же самое он говорил друзьям направо. Художник – человек, профессионально склонный к вымыслам, – может изобразить Азефа как некую мрачную и даже трагическую индивидуальность, которая уверовала в дело предательства как в своё историческое назначение, уверовала из чувства ненависти к людям, из мстительного желания уничтожать людей, кто бы они ни были. В мире гниющего мещанства всё

возможно, возможно и такое отношение к людям, к жизни – отношение отчаявшихся.

Вот недавно сотрудник «Нейе фрейе прессе» познакомился в Бухаресте с представителями небольшой секты, ведущей усиленную пропаганду и пользующейся известным успехом среди некоторых слоёв населения. Называют себя сектанты «христианами». Учение секты необычайно характерно для нашей эпохи.

Возникла секта «христиан» в Северной Америке. Там она насчитывает несколько тысяч приверженцев. Общины «христиан» есть в Лондоне и в Париже. Учение секты изложено в следующей печатной программе на французском языке:

«Мы должны стремиться к тому, чтобы человечество вымерло. То, что мы называем жизнью, есть иллюзия, и наше высшее стремление, должно быть направлено к тому, чтобы умереть. Наша первая обязанность поэтому – содействовать вымиранию человечества. Член секты не живёт половой жизнью и должен, по возможности, стремиться к тому, чтобы и у других граждан также не было детей. Мы должны есть возможно меньше. Чем меньше мы будем есть и чем хуже мы будем жить, тем скорее приблизимся к смерти. Дни, которые мы вынуждены провести до смерти, следует посвящать молитве. Надо громким голосом читать библию и петь псалмы. «Христиане» не курят и не пьют алкоголя. Они не встречаются с людьми, ведут уединённую жизнь и готовятся к смерти.»

Сотрудник венской газеты беседовал с одной из руководителей секты, Еленой Клотц, и она ему сказала:

«Мы дошли до конца вещей. Нам кажется, что все откровения и все учения о спасении человечества напрасны. Социализм, вегетарианство, натурализм и прочие панацеи для спасения человечества бессмысленны и вздорны. Ничего не принесёт и фашизм. Мы знаем, что в наше время многие неверующие опять обратились к религии. Но и это ни к чему. Всё – иллюзия и обман. Мы убеждены, что людям никогда ничего не удастся. Людям надо исчезнуть. Самоубийство не может быть решением вопроса, потому что массовые самоубийства связаны с потрясениями и рождают волю к жизни у живых. Нет, надо медленно вымирать, так чтобы земля превратилась в пустыню и исчез на ней род людской.»

Но эта философия смертельно больных не для Евно Азефа, прозванного «великим провокатором» совершенно напрасно и для соблазна ему подобных. Художнику тоже нечего делать с таким скверным материалом, ибо материал для искусства непоправимо испорчен откровенными показаниями «роскошной женщины» о конце его жизни. В фигуре Иуды Азефа заметно некоторое сходство с быком: на боях служат дрессированные быки, их обязанность – заманивать товарищей быков под обух бойца. В конце концов Евно Азеф типичный, даже весьма упрощённый мещанин, и, как всякий член этого племени полулюдей, он обладал

способностью предавать и продавать всё и всех ради личного уюта. Талантливейший карикатурист «Симплициссимуса» Олаф Гульбрансон написал совершенно точный портрет Азефа: толстое, толстогубое лицо, маленькие равнодушные глазки свиньи. К этому жирному лицу следует прибавить бесцветный, ворчливый голос и манеру говорить всегда куда-то вниз, под стол, под ноги себе.

«Все – относительно», мерзости – тоже. Азеф работал в сфере сравнительно узкой, в масштабе небольшом. Когда Леонида Андреева спросили: что он думает о деле Азефа? – писатель ответил: «Ничего не понимаю, какое-то семейное дело».

Современные предатели – Беседовские, Дмитриевские и прочие – работают в масштабе значительно более широком, они предают не единицы, не группы, они пытаются предать рабочий класс. Разумеется, их намерения не могут дать каких-либо особенно ощутительных результатов, кроме того, что временно и ненадолго, может быть, оживят издыхающие надежды белой эмиграции. Беседовских я, конечно, не сравниваю с таким интеллектуально тупым, малограмотным и всячески ограниченным субъектом, каким был Иуда Азеф, – они гораздо ничтожнее его и ещё более мерзостны. Они, конечно, людишки значительно изощёренного интеллекта, обладают хорошо развитым умением лгать и, когда нужно, не плохо умеют притворяться искренними друзьями «народа».

Все они – типы из той группы интеллигенции, которая имеет свою «историю», – историю судорожного качания справа налево и обратно, историю периодических отказов «от полувекковой традиции разночинцев-интеллигентов и прежде всего отказа от служения угнетённым классам – в общественной жизни, отказа от императива долга жизни личной», как формулировал сущность «истории» ренегатов В. В. Воровский.

Недавно один из предателей, Дмитриевский, напечатал свою «исповедь» и в ней признал, что: «мы – рабы; нам нужны учителя, вожди, пророки». Это – верно. Они охотно ползут за любым вождём, ожидая от каждого из них всегда одного и того же: может быть, вождь расширит пределы «мещанского счастья» в условиях капиталистического строя.

В начале восьмидесятых годов, после разгрома народовольцев полицией при помощи Дегаевых, они, «бывшие революционеры», «поумнев», начали проповедовать отказ от революционной деятельности в пользу личного нравственного совершенствования, которое «одно только и может изменить общественный строй». После революции 1905–6 годов они в сборнике «Вехи» и во главе с Петром Струве, бывшим марксистом, – теперь он стал монархистом, но, верный себе, остался всё тем же болтуном, каким был всю жизнь, – начали петь славу и осанну «мудрому мещанству Европы» и тоже проповедовали нравственное совершенствование, возврат к религии, к церкви.

В наши дни, когда «бывшим людям» стало совершенно

ясно, что рабоче-крестьянская власть вовсе не намерена расширять границы мещанского счастья, а совершенно серьёзно решила строить социалистическое государство и нимало не сомневается, что примеру её последует пролетариат всех стран, – в наши дни «бывшие люди» снова заговорили об «истине библии» и о том, что «истина откровения заключается не в защищённых угрозами и насилием мёртвых законах, а в божественном произволе человека, созданного по образу и подобию божьему, но к этой высшей свободе надо прорваться в «последней и величайшей борьбе» (Плотин), и прежде всего надо с себя стряхнуть чары и наваждение наукообразных построений философии, чтобы увидеть «самое значительное», выйти к истокам знания. Науки строят и должны строить на основании прочнее гранита, но метафизические истины добываются в том мире божественной произвола, где господь «повесил землю на ничём». (Книга Иова.) В этом царстве божественного произвола существующее становится несуществующим, и эмпирическая истина, добываемая нами здесь, на отмени времён, на потребу дня, не становится вечной, непреложной истиной – необходимостью. Но в землю обетованную может придти лишь тот, кто идёт без оглядки, не ошупывая почвы под ногами, не зная куда, не ведая зачем.»

Как видите – очень старая песня, и поётся она не талантливо. Говоря, что в «обетованную землю», то есть к мещанскому счастью, надо идти «без оглядки», «не зная куда, не

ведая зачем», они, разумеется, лгут. Они всегда отлично знают, «куда и зачем» надобно ползти, они поняли это тотчас же после Октября, когда саботировали правительство рабочих, когда пошли на службу Деникиным, Колчакам, Врангелям и различным бандитам, которые разоряли хозяйство страны; знали они, «куда и зачем», когда после победы рабочего класса тихонько заползали в его партию и на службу Советов, – заползали для того, чтоб шпионить на утеху политиканствующим эмигрантам и всячески вредительствовать в пользу бывших хозяев.

Крайне характерно то, что во всех наиболее крупных случаях ренегаты, перевертни прикрывались одними и теми же словами о «личном нравственном совершенствовании», о необходимости возврата к религии, в церковь. Это особенно характерно именно в наши дни, когда только глухой и слепой не видят, что церковь совершенно явно и цинично обнажила свою подлейшую классовую сущность, свою рабскую и лакейскую зависимость от банкиров и фабрикантов; в таком совершенстве она, кажется, никогда ещё не оголяла своё «тайное тайных».

Изумительно не брезгливы «бывшие люди», изумительно слаба их память. Давно ли они «искренно и пламенно» возмущались епископами церкви Христовой, которые отлучили от неё христианина Льва Толстого, и вот слышу, что теперь они уже благоговейно целуют руку епископа, как это сделал, публично один из литераторов-эмигрантов. Так же, как по-

сле 1906 года, когда Анатолий Каменский сочинял откровенно порнографические рассказы, стихотворец Рославлев возвеличил Иуду, Михаил Арцыбашев в романе «Санин» восхвалил и прославил усовершенствованного, самодовлеющего мерзавца, а Пётр Струве в «Русской мысли» печатал «Православную теодицею» и в сборнике «Вехи» пел аллилуйю и осанну европейскому мещанину, – так же и послеоктябрьская эмиграция утратила способность ощущать хотя бы звуковое различие между аллилуйей и гонорреей.

Вот она теперь встречает «третью эмиграцию», мелких жуликов, с таким же восторгом, как будто в помощь её ничтожеству приехали бандиты из Чикаго. Кажется, только Иосиф Гессен, редактор до смешного наглой и озлобленной газетки, почувствовал, что Беседовский врёт, и, указав, что в книге его «много неясного, недоговорённого», требует подробно объяснить, во что Беседовский «верил, на что надеялся и что заставило его сжечь то, чему поклонялся, и поклониться тому, что сжигал.»

Объяснений вовсе не требуется. Беседовский сам откровенно рассказал о себе:

«Сын буржуя, торговца готовым платьем, б. заядлый анархист, оборонец, а потом кадет и правый эсер, к моменту большевистского переворота стал уже левым эсером»,

затем пролез на службу рабочему классу, а ныне сделался предателем рабочего класса. Здесь можно и мне цитировать

библию: «Возвратился пёс на блевотину свою». Иосиф Гессен – одна из наиболее дряхлых и комических фигур, которые сидят «на реках вавилонских» в плену собственной подлости. Пишет он совсем как Иеремия.

«Увы, не одно английское правительство дружит сейчас с красной Москвой», – скорбно пишет он. – «Европа не умеет и не хочет защищаться против большевиков. Неумение себя отстаивать, ослабление чувства самосохранения, может быть, даже сознания права на самоотстаивание – не этим ли страдает Европа и в отношениях с большевиками, и к своим колониям, и к себе самой? И не представляются ли жалкими призывы к объединению Европы для защиты кошельков против американской таможенной политики, – после того как сама она себя разгромила, призвав и американцев, и японцев, и индусов, и негров; после того как «сама устроила у себя такой исторический «кавардак», из которого не сумеет и при лучших обстоятельствах выпутаться в течение десятилетий.»

Хорошо пишет Гессен. Но не верится, что он поможет Европе. В газетке его маленький предатель Дмитриевский напечатал свою «Исповедь», – сочинение весьма глупое. Часть его посвящена мне. Цитирую:

«...Был один человек. Мы идеализировали его, как могли. Мы забывали: какой среды этот человек. Ему писали письма со всех сторон – немые рабы

писали ему. Писали из глубины души, слезами и кровью, рассказывали про свою жизнь – и просили откликнуться, дать совет, как быть. Наше время – время догмы. Нам нужны учителя, вожди, пророки. Кто иной, как не он, мог позволить себе выступить в защиту того, что, казалось, он защищал всю жизнь – в защиту человеческой личности? И он ответил. Мы недоумевали, когда читали его статьи. Самым грубым, самым безжалостным образом он оттолкнул руки, протягивавшиеся к нему, и плюнул в раскрывшиеся перед ним души. С тех пор его для нас не существует. Мы проклинали его.»

Вот человек, совершенно лишённый чувства юмора! «Прокляли»! Ну, как можно писать, а тем более печатать такие пошлости: «проклинали»? Нужно быть очень глупым или американцем типа Брайана, или епископом для того, чтоб в XX веке кого-то проклинать. Характерно аристократическое: «Мы забывали, какой среды этот человек». Правильно в этой жалкой чепухе то, что лет тридцать тому назад я писал о «бывших людях», но я не защищал, а только показывал их. Теперь мне снова приходится писать о «бывших людях» в лице Беседовских, Дмитриевских и других, – эти, конечно, вреднее тех, о которых писал я за тридцать лет до сего дня. Правильно и то, что «бывшие люди» последнего выпуска писали мне слёзные письма, но неверно, что они просили меня дать совет им; нет, это они, – те из них, которые наиболее циничны и малограмотны, – давали мне кое-какие советы;

среди этих советчиков были и такие, которых – при условии непосредственной физической близости к ним – я бы избил. Перескочив на «кладбище непогребённых» к «бывшим людям», маленькие, но гнусные предатели естественно хотят заслужить необходимое для них внимание и одобрение со стороны белоэмигрантских «политиков от нечего делать», – «политиков», которые вот уже десять лет бездарно и скучно изощряются во лжи и клевете на рабочий народ Союза Советов и на вождей его. Раздавленные историей, озлобленные тем, что жизнь в России отлично идёт и без их участия в ней, ещё более озлобляясь тем, что даже капиталисты Европы и Америки признают – «скрепя сердце» – неоспоримые успехи государственного строительства в Стране Советов, – дряхлые эмигранты, конечно, рады послушать болтовню ябедников и лгунов «третьей эмиграции». Но – слушая – уже не верят. Это чувствуется: не верят.

По инерции, по привычке они всё ещё в своих газетках убеждают друг друга: скоро, скоро русский «народ» позовёт нас! Вот приедет сорок тысяч послов от него, и они скажут нам, как встарину варягам:

«Трудом рабочих и крестьян земля наша стала ещё богаче и обильней, пожалуйте княжить и владеть ею».

И тогда – грезится им – они пожалуют в качестве прислуги грабителей, ибо порядок в доме делает прислуга, а порядок в буржуазном государстве – то есть всесторонний и узаконенный грабёж – обслуживается и оправдывается той самой

интеллигенцией, которая всегда проповедовала «нравственное усовершенствование» и устанавливала догмы религии, нации, класса.

Но всё это «мечты и грёзы». Никто не придёт и никуда не позовёт. А действительность безрадостна и безнадежна. Недавно один из них, человек, который выздоровел от «интеллигентности», работая на заводах, изобразил эту действительность в таких словах: «Как живём? Плохо. Переругались все, ненавидим друг друга, никто никому не верит. Очень трудно молодёжи, родину она почти не знает, язык забывает. А старая эмиграция всё настойчивее поёт европейской буржуазии гимны свои: «Меня, несчастную, торговку частную, ты пожалей». Гимн этот называется «Бублики», американцы уже состряпали из него фокстрот. Буржуазия, конечно, глуха и нема, ей самой туго живётся».